

Петр Разумов

КОЛЛЕЖ ДЕ ФРАНС МНЕ СНИТСЯ ПО НОЧАМ

СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2012. – 80 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Элегия («Коллеж де Франс мне снится по ночам...»)

Невский проспект

Страшный сон

«Ему наследую...»

«Я знаю всё, спроси о чём угодно...»

РАЗГОВОРЫ

Разговор Маяковского с рабочими

Стакан без стакана. Начало либерализма.

Каменное лицо

Разговор Гребенщикова с православным священником

Желудок косули

Разговор Виктора Цоя с посетителем кочегарки

Крылышка

Разговор Елены Шварц с Демоном

«Нет уха, в которое я мог бы дуть...»

«Для некрасивой девочки будущее странно...»

«Прекрасный Путин в выходном костюме...»

Стратановский

Пророк

«Температура, опера Рамо...»

«Эдипальный пафос Чаадаева...»

«Омуты снов распахнуты...»

«Эти казаки, занимающиеся любовью...»

Психея

«Только лето, только трусики с красными бабочками...»

«Я смотреть мог на дождь...»

Городское

«Гена, на твоё полотенце!..»

«В стране снегов, в стране кручин...»

«Мир телешоу...»

Сердце Боба

«Бодимодификации боюсь...»

Происшествие в магазине

«Шерлок, зачем ты презрел доктора в мятом свитере...»

«Не говори, что целоваться грех...»

«Роба, ватник, телогрейка и фуфайка...»

«Мне жизнь испортила любовь...»

«Мой инок, инакий от века...»

«Твой карандаш не набух...»

«Ты ляжешь, горизонт тебе мал – за края...»

«О чём М. Кузмин говорил, когда ты лежал на апрельской кушетке?...»

«Хочу сберечь в катушке разума...»

«Я молился богам, всем богам без имён...»

«Хотел тебя согреть, но ты сказала: подожди...»

«Париж, Париж — здесь буква *ж* сквозит родным каким-то сквозняком...»

Восемь

«О лучше, о добре...»

Баллада о проклятых поэтах

Любовное

«Бери мой ствол губами...»

Заметки Бибигона

На смерть Nevermore

«О чём он бредит: нравственность и гордость...»

«То ли пидором стать, то ли съездить на Красное море...»

«Там, где кончаются слова...»

Послание Сорокину

«Мрак отступал – я писал для себя...»

Дмитрий Александрович Пригов созерцает своё отражение в зеркале во время бритья

Алкивиад

Кинжал

«Речь — это лучше, чем секс. Я нежедец...»

«И бантик клитора, чуть видный из-за губ...»

Ёлочные волки

ЭЛЕГИЯ

Там косит Батюшков густой болиголов

Коллеж де Франс мне снится по ночам
Та жизнь, которой я не жил – Мишель Фуко
За кафедрой в очках, руками обхватя
И наклонясь вперёд, о чём-то врёт

И 68-ой, и модная болезнь
и ненависть к отцу
и гомосексуальность
во мне рождает теплоту
улыбку на губах – отвергнутых

Европа,
Я твой внебрачный сын
Я твой секретный странник
С какой-то там душой
Ты запиши, мне имя – камень, кифа

Ты эту речь забыл, остался перевод
На греческий. О Франция, молитва
Мне жжёт язык, твой долгий поцелуй
Не в силах вытерпеть, все слёзы позабыты –

На этом холоде нельзя из глаз им течь
Здесь греет только спирт и европейца речь.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Невский не тот
Эскимо в жёлтой невкусной шкурке
Какой-то музей, где рисовал кота
Потом пирожки жареные в кафе «Минутка»
С мамой за руку в джинсах
С протёртым квадратным карманом
На фотографии старой –
Невский связан с обманом

Он вроде бы широкий и стройный,
Но только ночью светлой июльской
Мусора много тогда
Города покрывают просторы по-разному
Невский – вода

Нева течёт на запад, губой упираясь в залив
А Невский на юг – где Московский вокзал, обрыв

Здесь Гоголю было неплохо,
И Белый Андрей циркулировал чинно
Теперь в машинных заторах торчит одиноко Зингера шарик
Здесь плохо: тесно и жарко летом
Зимой морозно и грязно...
Да, была бы Невою эта вскормлена жила –
Было бы здорово, но это неправда.

Роза ветров разрывает просторы, где в кучу асфальт и дома
Меня призывает метро, жёлтый жетончик в кармане
А Невский простой, он скучен как дважды два

СТРАШНЫЙ СОН

Открыв глаза и досмотрев все сны –
Там был отец, там были дети в форме
Спектакль играли «До и после»
По книжке Достоевского «Любовь»
Встречал я брата, тоже в форме
И долго шли и ехали домой
А домом был какой-то дом культуры
С испорченной проводкой в туалете,
Старухой мерзкой, спящим другом Ваней,
Но это всё не важно, важно вот что:
Я просыпаюсь, досмотрев весь сон
Последняя картинка: дворик детства
Но только сталинский ампир
И вот
Я в комнате другой, и труп старухи
Под простынёй в углу противоположном
Пытаюсь по щекам бить, крик издать
Я думаю, что сам себя душу
Звонить врачу, опять больница,
Врачи в поганных белых одеяньях;
Я сам себя бросаю на пол – голый
И в зеркало смотрю – там только рот...

* * *

Ему наследую
Дервишу русскому с камушком вместо хлеба
Борода его колет младенческий лоб
Вот фотография – я слева

Разделяют года, таблицы и списки
Ненависть, злоба и боль
Где плеть и ошейник, там сладость –
Эти понятия близки

Глаза его – мутные стёкла со слезой карамельной
Он смотрит как лупа сквозь дерево – прошлое метит

Содрал бы с живого кожу, и кости бы в раке жемчужной сварил
Подумаешь: как недостойно, как просто его любил

* * *

Я знаю всё, спроси о чём угодно
Ответ – загадка из загадок
Поэзия что слон холодный
Его на пудре отпечаток

Всех леденцов не съесть
И вера – злая мука
Когда поёт скворец и ирис нежен
В отеле дорогом разлука

Здесь вроде не был
Никогда – большое слово
Я знаю всё, спроси
Ответ – в шикарном бутике обнова

Не верь словам, не верь своим сомненьям
Все мысли – в запертой воде
Они похожи на растенья
И слово страшное – нигде

РАЗГОВОР МАЯКОВСКОГО С РАБОЧИМИ

– Мы пьяны этим миром, мы стоим у станка
Связь со словом проблематична, она тонка

Зачем бередишь, зачем, сомнений полон, пришёл к нам?
Мы глухи и деятельны, как океанские волны
Нам морок миров, разбуженных сердцем твоим
Невыносим

– Будьте как дети, учившиеся языку
Руки выньте из промасленных рукавиц
Ропщите, не каждому мужику
Доверит Партия нести строку
Доверит Партия души рабов своих
Не ошибается тот, кто хочет быть выше птиц

– Учитель, гремящий зубом стальным
Стройный хор речей твоих ясен,
Но только возможно ль ужиться с ним?
Ведь желание большего рождается в буржуазном теле,
А мы рабочие, мы в поте и копоты, мы при деле
Наших аорт не перегрызёт Слово твоё
Мы как один в бессознательном порыве горим, мы творим бытиё

– Негоже гнушаться труб ангельских, заливающихся обильно
Над жизнью новой, которой заря украшает день именинный
Бросайте станки, бросайте детей и жён
Пусть Партия знает своих сыновей, пусть каждый скажет ей правду,
Кто разумом заражён

– Товарищ Гром, мы все у твоих башмаков
Мы все под знамёнами, в руинах прошлых оков
Но дай нам волю не знать про твои плоды
Мы стоим на глыбе слова «работа», нам свобода и совесть чужды
Не то, чтобы мы не хотели стать частью твоих фантазмов
Просто там, куда ты зовёшь, мы не узнаем больше энтузиазма оргазмов
Мы горим в пламени вечном неизречённого недослова
Партия знает, что наши силы равны, она ждёт от нас очередного улова
Если мы будем заняты снами твоими, прости, нам не быть
Только рабом рождённый знает, как хорошо простой жизнью прожить
И не увидеть чудес, тебе дарованных небесами
Как сослужить Партии службу, мы разберёмся сами

– Проклято будь ваше незнание бытия
Остаюсь при своём, на глыбе одинокого слова «я»

СТАКАН БЕЗ СТАКАНА. НАЧАЛО ЛИБЕРАЛИЗМА

разговор поэта Вознесенского с тов. Хрущевым

— Я, Вознесенский, говорю тебе, товарищ Хрущов
Спасибо за совесть, спасибо за то, что лишил нас оков
Но ощущаю я смутное беспокойство, разреши мою думу
Противоречий сочти плоды и вычти из наших сердец
Непонимания сумму

Был нам Отец, он читал и слушал, искал в нас смысл
Наказаний неправедных шрамы на наших спинах зажглись
И эти кровавые знаки читало Небо само
Он придумал машину дерзости, способную делать из несчастья добро
В самом его зубе златом, воровском его прищуре был Закон
Мы были прах, то есть порох, вместе мы составляли патрон
Только в такой системе энтропия не побеждает
Где винтиком служит ум и сердце того, кто Власти себя вручает

Теперь же ты говоришь: будьте невинны, как дети
Сейте что вздувается на очищенной от Отца планете
Но мы вас читать и слушать не будем, мы будем сами —
Вы по себе, и мы по себе будем связаны с Небесами

Так не бывает, товарищ Хрущов
И дело вовсе не в том, чтобы была возможность,
В любой реформе нужна прежде всего осторожность
Ты рушишь молчание и ложное Слово — допустим,
Но что предлагаешь взамен
Жизнь, найденную в капусте

Ведь до тебя здесь росла трава и светило солнце
И до неё что-то было, утлый чёлн того же чухонца
Всё как-то менялось, двигалось и росло
И вместе с цивилизацией рождалось само ремесло
Мы привыкли к определённой последовательности букв и цифр
Теперь же сначала всё начинать, вдуть в мозг эфир
Подзвёздный ты предлагаешь, но как же мы можем сделать
То, что когда-то единожды вышло у Вседержителя
Разве можем мы этого мёда отведать?

Скажи, как нам быть, мы растеряны и больны
Свобода предвечна, как пишет Бердяев, мы же её рабы

— Делайте, что хотите. Мне на ваши беды плевать
Моя задача не помогать обречённым, а новую правду создать!

КАМЕННОЕ ЛИЦО

разговор Бродского с Анной Ахматовой

— Анна Андревна, мне нравится ваша поза
Как будто шаль каменеет, сорвавшись с плеча
Я чувствую холод вашего сердца,
Источающего угрозу

— Нет, нет — я не то хотела сказать
Я чувствую больше, чем может вместить речь
Я рождена, чтобы это отдать
И с Осипом, тонким, как та оса
Пройтись по дорожкам меркнущим
Вдоль заводи лунной
И чтобы была слеза

— Не знаю, не знаю, все это одни сантименты
Разве не лучше мысль сама, уловляющая моменты
Несовпадения и нерешительности сознания
Тайна в сей поросли знаков содержится мироздания

— Иосиф, вы бог из машины, вы Протагор моих чувств
Но разве я этому вас учила, вымолвить Слово боюсь
Когда вы пристально смотрите, словно прижавшись глазом
К кому-то внешнему, словно решили всё познать разом
И ветку сирени, и ток надзвёздный, и гулкую пыль
Космоса в лёгких, и седце, сердце сдаёте в утиль
И страшно подумать: чувство юмора, т. е. улыбка и боль,
Которая крючит душу, понимается вами как алкоголь

Вы словно в завязке, на вас места живого нет
Как вы передвигаетесь, не пойму,
Словно воздух вам тесен, протискиваетесь в кабинет

— Анна Андревна, поймите, я ваш проводник
Я тоже дышу и ступаю, и пиджаки ношу,
Как тот вьюнош, что в ваше хрустальное сердце проник
Его заместитель, его отражение в кратере небытия
Разве когито сум — это не значит я?

— Нет, Иосиф, увы, невозможно
То, что вы выговариваете тревожно
Я долго думала, в чём Красота оказывается уместнее
Неприличное что-то выходит, вроде цыганской песни
Они ничего не знают и знать не хотят
Но пыль бессознательная и ядра Времени из-под их дребезжанья летят
И эта повозка всего богаче, что может произойти
С человеком, прошедшим путь чуть больший, чем до пяти

— Ах, Анна Андревна, мне кажется, я немею
И в позе застыв приличной отчаянно каменею

РАЗГОВОР ГРЕБЕНЩИКОВА С ПРАВОСЛАВНЫМ СВЯЩЕННИКОМ

— Я дую в дуду, мне электричество смотрит в лицо
Мне кажется, этот мир — некрепкое изнутри яйцо
За его пределы меня зовёт чей-то голос
Чем ближе я к небу, тем длиннее на подбородке волос
Я общаюсь со всем живущим через раковины ушные
Ко мне приходят плотные девы и юноши, духом больные
И требуют, чтобы смешал я грязь земную с буквой загробной
И мотивом всё подвязал, сделав им презент бесподобный

— Откуда ты знаешь, раб божий, своё ремесло
Разве не стыд управляет телом, разве не сердце источник зла
И сомнительно вдохновенье само
Истинна только в букве печатной, её повторять мы должны
Рабами сознания стать, выжав из духа яд скорби,
Зажав языки меж рёбер девственных образа светлого,
Мы все грешны

— Не знаю, о чём ты мне говоришь, батюшка светлый
Всё ложно в мире подзвёздном, и тело, и содержимое тленны
Зачем угрызения совести и разбор духовных полётов
Если скорбь превозмочь может только отказ
Тела от мыслей и чувств горе-пилотов
Мы путаемся в лабиринтах природы, но ей, увы, не равны
Мы ни то, ни другое — зазор между духом и плотью,
Смириться с этим должны
Там, где ты полагаешь боль, жива одна пустота
И в этом месте пустом распускается Красота
Она в отказе от всего грешного и земного
Но не в пользу Вечности, а в пользу буквы того,
Кто однажды встретил старика, нищего и больного
Сиддхартха имя ему, он мой духовный отец
Он против аскезы, он на дуде отчаяния ловкий игрец
А тот, кого ты считаешь отцом вдохновений
Скорби начало и Времени, нет у меня сомнений
Его любить дело тонкое, ты воистину Мастер
Но оставь со мною моё, вольную речь и пламенный стратокастер

— Заблудший, сгоришь в огне предвечном, там тебе место
Не знающий протокола — для Дьявола подходящее тесто

ЖЕЛУДОК КОСУЛИ

разговор Заболоцкого с Конём

— Ты знаешь, друг сивый, читал я один журнал
Там говорилось про тигра, сломавшего жизнь косуле
Так вот, чтоб ты знал:
Прежде чем съесть её влажное от соков тело,
Он отворяет нутро мягкое и, отделяя то, что требуется
Для утоления голода от того, что оставит шакалу,
К желудку, полному трав прикасается когтем несмело

Ты чувствуешь, какая рождается мысль в моей голове
Он сам не может постичь тайну трав сладких вполне
Ему необходим посредник, знающий книгу экологическую
Сам же он вор, и чувствует свою неправду кармическую

— Да, говоришь ты дело, мой друг в роговых очках
Волос моих знал ты свежест, имя природы зажато в твоих устах
Поведал ты тайну, сокрытую в биологической глубине
Но скажу тебе прямо, такой расклад не по мне
Хищник уничтожает плоть живую, полную букв неизречённых
Он действует так не из хитрости, как хочет думать твой ум учёный
А просто он жрёт, понимаешь, он терминатор
В законе вселенском он ошибка, умышленный провокатор
Он сеет боль и отчаяние, Смерть ему имя
И не руководствуется соображениями иными

— Нет-нет, ты не прав, есть смысл в его поступке нелепом
Иначе нет правды — я хочу разобраться с этим скелетом
В шкафу Природы. Её мне ключи важны
Ведь говорить я могу, только ток жизни праведной чую
Здесь хладнокровие и серьёзность нужны
Не даром я хозяин самых опытных в мире очков
И властелин материи, имя которой Бумага
По крайней мере, её клочков

Сей пазл дивный, которым является тигр
Ищет место в небесной кашице
Лишает сна и заплечных крыл,
Которые, знаешь сам, растут лишь тогда
Когда живые создания любят
Желание это может составлять года!
Он ждёт, обречённый, когда Судьба поднесёт решение
На жестяном блюде

— Всё так, махровый мудрец и заступник живой природы
Я преклоняю голову перед этой Мудростью, наблюдая благие роды
Мысли надзвёздной, могущей превозмочь
И Смерть саму, и Проведение, и энтропийную Ночь

РАЗГОВОР ВИКТОРА ЦОЯ С ПОСЕТИТЕЛЕМ КОЧЕГАРКИ

— Мне нормально, браток, оставь сожаленья за дверью
Здесь свободно дышится, хоть и чёрен угол как-будто
Я просто делаю здесь, что умею,
Только вот кости ломит под утро

Мир загнал меня в эту щель
Но здесь, по крайней мере, не надобно прогибаться
Под чужую дуду. Поверь
Это дорого стоит. И вовсе не красоваться
Этаким мачо, выставив напоказ
Харизму, сюда я пришёл
Как классик сказал: я последний у Бога глаз

— Но ты же кудрявый Феб, автор созвучий волшебных,
Милый сердцам болезненным гений
Разве таким существам пристало горшки обжигать
Вольны презирать инородцы работ невыгодных
И избегать физических упражнений
Ум и сердце крепить должны в битве с буквой и звуком,
Лютые струны на кулак разнеженный намотав
А прочие пусть прогибаются под ударами молота с герба советского
Прав я или не прав?

— Не знаю, мне хорошо, когда голова пуста
Спитесь легко, не надо ежится в постели постылой и считать до ста
Окунаешься разом в прибой шумный небытия
И забываешь о славе и подвигах, вообще о каком бы то ни было Я
Мне это занятие по вкусу, в нём я черпаю силы
И огонь в этой топке не хуже чем бряцанье лиры
Её не забуду, её я храню про запас
Этот огонь — животворящий Спас

— Нет, не верю, что делаешь ты добро
Ремеслом презренным ты профанируешь Господа Серебро
В Слове магической силы лежат ключи
А ты пренебрёг призваньем, так лучше молчи

— Буду делать, как сердце хочет
А хочет оно, чтобы я был сейчас рабочим

КРЫЛЬШКУЯ

разговор Хлебникова с Кузнечиком

— Кузнечик, травую полный, брюшко зелёное греющий
На экзистенциальном морозе
Вьюг космических провозвестник,
Прелестник, читающий тайную книгу
В неприличной позе

Ног треугольные жгутики тебе крыл заменяют лопасти
Я песенку свою тебе адресую, ты противоположен корысти и подлости —
Всему, чем люди хворают
В мире без трав
Ты говори, не слушай губ моих стрекотню
Лги беззаботно, право моё поправ

— Человек с лбом покатым, именующий себя Велимиром
Тебе ли не знать, что значит родиться крылатым
Тебе ли не ведомы тайны заплечного мира
Зачем тревожишь моё спокойствие, к траве в моей голове взываешь
Я только дудочка хвастливая, как поступать, ты сам для себя решаешь
Не произносится чудо ни зябликом, ни крокодилом
Оно вещь в себе, жидется во всякой твари, провиденьем хранимой
Не внутри и не в звёздной пыли разбросаны знаки непознаваемого
Оно — сочленений решение, синтаксический подвиг,
Эффект желаемого
Если имеешь веру в рождение и закваску
Добудешь сам всё, что надо тебе
Буквы предвечной ласку

— Но как же мне быть, если язык твари малой созвучен моим глаголам
Я отвергнут обществом, они сочли меня сумасшедшим, бессмысленным насекомым
К тебе я пришёл как к брату — разреши мою боль
Которая в сердце гнездится, разрушая сосудов ризоматическую структуру
Говорят, так действует алкоголь
Я правды хочу добиться от мира и его существа
Для меня очевидно твоё превосходство
Как дважды два

— Нет, мы оба не можем пробить чудесный заслон
Не позволяющий нам раствориться в природе
Такова воля Бога — тебе он него
Поклон

РАЗГОВОР ЕЛЕНЫ ШВАРЦ С ДЕМОНОМ

— Дух сомненья, тень классическая, разъедающая сердца
Ты мне от Лермонтова достался в наследство
Хотя он, вероятно, не видел твоего лица
Иначе не стал бы тебя воспевать, порождение инфернального
Проклят будь твоих крыл неразборчивый почерк,
Уводящий взгляд от реального

— Не смей говорить со мною на равных, я только тень
Проекций твоих совокупность, то, чем кончается день
Любого писателя, если он пробурил этот дивный ход
В запредельную чашу, фантазий волшебных оплот
Если уж взялся за дело, будь смел и ловок
Чтобы тебя не повредил
Сорвавшийся с крутизны Вселенной обломок
Будь твёрд, не пускай далеко в себя
То, что стоит за гранью всякого Я

— Не знаю, мне страшно, какие-то кости снятся
Всё в чёрном дыму, не помогают чётки и святцы
Куда бы я не ступила, там оказывается провал
Материя не поддаётся моим уговорам,
Вижу только бессознательного оскал
Мне трудно так жить, мерцаний загробных чувствую я уколы
Страшного мира пленяют меня глаголы
Если поддамся я этой возне хтонической
Что станет с миром моим сферическим
Он словно нимбом окутан током света сердечного
Но содрогается в присутствии бесконечного

— Не бойся, тебе я не сделаю больно, Елена
Ты дитя Звёзд, пазл единой Вселенной
В ней всё имеет значение и ничто не проходит зря
Смело двигайся в такт пульсации, очи свои вперя
В Дыру космическую, в которой исчезнет разум
Не пригодится он тем, кто писатель и медиум разом
Буква твоя будет тому залогом
Она угодна тому, что ты называешь Богом
На самом деле нет ни добра, ни зла
Есть только фантазия и проведенческая игла
В сердце —
Открой эту дверцу!

Николаю Кононову

* * *

Нет уха, в которое я мог бы дуть
Как мамочка как девочка на ранку
Как ангел в медную трубу

Жемчужины спираль меня тревожит

Это не мы, это они пидарасы
Я бы не смог так бездарно не слышать
Звуки крылатые, они как мыши
С перламутровыми крыльями

Он становился выше, рос
Как та Алиса
И приседал как великан,
Касающийся крыши мира

Нет той трубы, в которую мы дули
И получался блюз

* * *

Для некрасивой девочки будущее странно
А мы – мы заговорщики, бунт в себе несём
Мы как бы декабристы, из этого тумана
Мы как бы кажемся, мы грезим, мы плывём

И эти деревца, и эти люди – вся природа
Всё, что объято сном, чему нет имени, нет пола –
Мы всё плодотворим, мы всё куём
Нам имя – смерть, мы этот воздух пьём

Кириллу Медведеву

* * *

Прекрасный Путин в выходном костюме
В красивом вольтеровском кресле
Монастырь Шаолинь
Северный

Монахи в серых рубахах, в гетрах специальных
Красивые статные парни
В позе мабу и гунбу
Комплексы разные
Солнце

Вот же забава какая прекрасная
Видеть уклад монастырский
Тренировку монахов
Их лица китайские
Спины

Мне бы тоже хотелось там быть
Но не Путиным этим дурацким
Не гостем специальным
Столичным

А просто с монахами потренироваться
Было бы здорово

СТРАТАНОВСКИЙ

Он был как бобр, что-то там грызущий.
Перебирая шкурки,
Искал мобильник в складках тел
Не тел – но только оболочек
Чешуйчатых

Он был красив как зверь
В больших очках,
Здравши вверх лицо.

Он сединой мелел,
Он милый был, хороший.

Всё!

ПРОРОК

Горячий член архангельский
Вошёл в мои уста
И я запел как чижик
Я стал считать до ста

Мне новый мелос был явлён
О фаллос небный, о мой сон!

* * *

Температура, опера Рамо
Предательство, и может быть – измена
Прекрасный мир и страшный мир –
Одно

Красивый пидор вопрошает
На неизвестном языке –
Он с болью заодно

Что требуешь за жизнь,
Мой гений?
Что ты отдашь за смерть,
Небесножилый
Весь в серебре
Как рыба

* * *

Эдипальный пафос Чаадаева
Все эти глупости, выдающие себя за национальность
Проще всего – отчаяние
Интеллигенщина,
Предвестие одичания, смуты, ложносовестливых демократов

Мы словно немые, словно немцы какие
Бесполое тусклые слепни на теле мира,
Нам как бы неловко быть чем-то простым и нормальным,
Нам надо полного совпадения с необычайным

А это на языке живописи – подделка
Химический состав красок,
Бумага начала века,
Компоненты мысли и незнакомых чувств –
И ты, Брут!
Ах, Цезарь,
Глаза не лгут

Как выйти из череды подобию,
Не быть тем, чем были они?
Как вообще без них жить,
Оставаться людьми?

Они словно герои особого века,
Времени оно
Они в золотых шлемах,
Они в голубых коронах...

* * *

Омуты снов распахнуты
Я исчезаю как через дуршлаг – вода
Гренобль мне снится, далёкий город

Странная смерть человека, его голова и ксерокс
Бутылка водки в автобусе, здесь выйти или ещё проехать?
Должен быть сад, эта девочка может стать или быть убийцей
Немного логики, господа – сентиментальность рождает фикции

Почему она словно отрезана? Это случилось на наших глазах
Просто что-то приобрело характер чего-то другого, только что –
Пять минут назад –

Очень секси, конечно, я бы и сам засадил при других обстоятельствах
Наверное, посмотрелся дешёвых фильмов – конечно, при других обстоятельствах
Ещё был салат, смех пассажиров, неуверенность в том, что поступаю правильно,
Помню чьё-то участие, одного пассажира – сбил с толку, может быть, не учёл – каюсь

Её открытый взгляд вызывал доверие, какой-то шкаф и непонятный свет
Мы все обступили её тогда – была уверена
В своей правоте, куда-то бежала

Сны только сны, но иногда не хочется возвращаться назад

.....

* * *

Эти казаки, занимающиеся любовью
Они ли сосали твой тонкий член?
Запряги черепаху в свой долгий сон
Не смей касаться меня, я не для этого сделан!

Ах, зачем же ты так со мной
Или я всё бездарно просрал?
Да, дорогой – ты прав
Но рукав не пришьёшь, когда пополам

Порвал ты порвал
Чтоб тебя, блядь!

Этот стон не про то
Не про то дымится пистон
Он, да, это был он
Измена всего лишь забава, сон

ПСИХЕЯ

Она глаза открыла
И он её узнал
Ах, антивий противный
Ты красоту свою открыл
И пеплом стал

В туманности нечёткой
Ты грёзой был сплошной
Теперь чечёткой капелек по стёклам
Ты стал, подлец
Ушёл немой

Ни звука, ни дрожанья крыл
Я ухом чутким не почувял
Она отвергнута тобой
Как Ева с яблоком гнилым,
Её ты не отведал

Будь проклят твой соблазн,
Твой белопахий облик
Который расставанье мнит
За правду и за подвиг

Ужасный зеркала обрезок,
Ты только призрак,
Недовесок

* * *

Только лето, только трусики с красными бабочками
Предвещающими детские шалости

Только взгляд влюблённый на речке, на молодой горох
Как уздечкой стянуты все эти нежности, только виден пупок

У сандаликов стоптаны пятки
Для гвоздика сделана новая дырочка

Кривые ножки, красивые
Девочка, из чего тебя сделали?
Откуда ты вышла?

* * *

Я смотреть мог на дождь
Трое суток подряд
Только в детстве, когда
Незамусорен взгляд
Только там, за несмелою нитью рябой
Только в лето далёкое, в призрачный зной

Там навис, там качается вымерший лес
Только речка ползёт, только движется без
Ничего.

Это рай оголтелый дерев и двух тел,
Не сомкнуться которым, как бы ни хотел

Ты отдай этот всполох, ту тайну храня
Что была у меня, что была у тебя

Мы не те же, заговорщиком будет трава
Прорастая сквозь нас, заменяя нас на
Щавеля кончик в руке
Линия та же на прежней руке
На реке, на прибрежном песке
Полувпадинка в детском пупке

ГОРОДСКОЕ

Мегаполис живёт
Я сроднился с его маятой
Всех мобильных звоночков, всех шин шебуршанье мне мило
Я без сумерек этих прозрачно-зелёных не свой,
Без огнистых заторов машинных, без меркнущих стёкол витринных

Здесь как лес
Здесь народ не народ
Это рой

Это пчёл серебристые крылья
Звенят в переносенных куртках
Здесь застёжечка каждая, каждая молнийка в тайном сношенье со мной
Я музыку этих железок ловлю в толчее магазинной

Здесь матросик прошёл,
Парочка тенью упала
Кто-то свистнул и Лёху зовёт –
Всё живёт

По зебрам, по переходам, по серым сухим тротуарам
Каждое милое чудище в каждую норку ползёт

* * *

Гена, на твоё полотенце! –
Кричал Андрюша парню с холодного цеха,
Которого звали Юра, но тайна ума
Открывала себя сама

А ты поставишь очко
Или опять мне придётся шкурятину натирать? –
Наивно ластилось чудо в бумажной кепочке,
Пытаясь удушиной этой неясное что-то поймать

Игра забавляла зелёных красавцев,
Спящих один с Зойкой общажной,
Другой с женой,
Но удовольствие получающих
Друг от друга

Их будоражил любовный зной

* * *

В стране снегов, в стране кручин
Тре бьен не может быть
Сидел в сети, сидел один
Шеф-повар,
Что ни говори, он славный парень
Он забыл
Хлороз, хлороз,
Что с ним?

Его рыбацкие глаза
Улыбка с берегов
Других краёв,
Где нет снегов,
Где невозможен лёд

Импосибл – шептал под нос
Расстроен чем-то был
Жасмин, жасмин –
Здесь только лёд
Сквозь зубы он цедил

Только Оля, супервайзер
По-английски потрепаться
С ним могла
Заходила иногда

Мерде, мерде
Дым, всё дым
Даль снегов –
Он всё покрыл

* * *

Мир телешоу,
Только скучный трёп
Отсчитывая мелочь, продавщица –
С предупреждением, на принтере отбитым:
Работает стажёр –

Мне жаль её
Её засаленую кофту,
Простое конопатое лицо,
Неловкость неудачи,
Медленные сдачи,
Затор в народе от неверных цифр
Я знаю, что ночами
Ей снится в тетрапаковских паковках
Кефир

Вот этого мне жаль
Конвеера бессмысленных желаний,
Которых утолить не в силах мир

СЕРДЦЕ БОБА

Светом исходишь, как уверял тот мальчик с серьгой
Но теперь твоё сердце кончается – откуда же тогда этот зной
Так жжёт, что нельзя дышать и под ложечкой или как там – тесно
Ты был прав – это не может закончиться вместе с сердцем

Твои слова хороши – опять и опять пробую рифму на вкус
В ванной было так много воды, ты лёг как среднее,
Но был невесом этот груз –
Она осталась лежать под тобой наподобие чуда иисусова
О Бодисаттва мой милый, ты один цветёшь в окружении мусора

Пусть говорят, что борода твоя не хороша
Что слова слишком редки, что дурманят как анаша
Я всё равно предпочту всем закалённым степям эту гавань –
Так рядом с чумной Москвой притаился дорогой Переславль

Всходи же, мой северный цвет, травка бедовая
Песенка – мукам ответ, бобэоби бобовая

* * *

Бодимодификации боюсь
Фантазии, не знающей пределов
Блядь, счастья нет – есть алкоголь
Для смелых, этот путь – для смелых

Мозг – тощий враг страстей
Он крепнет от лекарств
Всё, что его разрушить может,
Разнежить в очистительную пасту –
Всё я, и царь и бог

Молитва лишь засор сомненья
И страхом движется земля
Всех тел печальных след,
Всех мыслей злой шатёр –
Всё я,

Сижу в компьютере как вор

ПРОИСШЕСТВИЕ В МАГАЗИНЕ

Мой друг сказал: купи мне фаллос
Резиновый
Им я тебя разъять на части жажду
Вот деньги: сколько хочешь ты возьми,
Не жалко

Зашёл я в магазин специальный,
Где всё уставлено хуями
На вкус любой: вот фаллоимитатор
Со встроенным устройством для вибраций
А вот на лямках кожаных издэлье
Снимается к тому ж
И можно подобрать насадку

– Давай, давай его сюда, –
Кричало сердце...

Я прошёл в соседний
Отдел, где садо-мазо снасти
Расположились здесь и там –
О, эти утоленья страсти,
За вас я всё отдам...

Ошейник чёрный весь в заклёпках дивных
Мне приглянулся, денег жалко нет
И зеркала, чтобы померить –
Сейчас я продавца спрошу...

Зачем, ведь можно в сумку положить
И вынести вот так, бесплатно

Ах этот паразит де Сад,
Меня он пропитал пороком
Ему поверил я: что можно воровать
И это вовсе не ужасно

Всё, мой! – сказал себе,
Мне с ним расстаться жалко

Я прыгал как под током
По улице пустынной. Снег
Мне голову мочил, и был я счастлив

* * *

Шерлок, зачем ты презрел доктора в мятом свитере
Ты раздраконил сердце ему выгибом трубки длинной
В чайнике серебряном отраженье – темноты выкормыш
Так чувствует млекопитающее холодок заспинный

Миссис была старухой, женщин ты жаловал мало
Теперь Ливанова профиль – топливо снов невинных
Как мало – ты знаешь сам, сокрушительно мало
Нежности в том, кого в детстве отец чуть не выебал

Тени исчезнут в тумане лондонском, здешние не такие
Пароходик плывёт, пыхтя дымком еле-еле
Этот пейзаж, как ты знаешь, из пальца высосан
Как и всё остальное – стихи что прорехи в теле

Твой слабый табак кинематографичен до крайности
Ноздрями его пускай, щекочи им горлышко
Только не знал ты, как Горлум склизкий, что у меня в кармане
Разве возможно оно – это английское гнёздышко

Бэйкер-стрит шевелит дождями крыши соседних районов, других государств
От этой болезни модной, которой хворал боливаром прикрытый лоб, не знаю лекарств

* * *

Не говори, что целоваться грех
Дождь моросит в краю твоих любовей
У изголовья города, на северном боку
В Баку растёт орех, а здесь –
Всё дождь и дождь, когда же будет снег?

Не говори, что дышишь тяжело
Здесь хмель родимых кирпичей
Здесь тополь, что сажал капризный карапуз
Не превозмочь бегущих лет несладкий груз
Я здесь почти ничей

Но о прозрачное стекло
Квартиры в старом корабле
Всё бьётся голубь и легко
Набрать тот номер,
Я
Больной, влюблённый в небо,
Скромный дуралей
Сижу на крыше той забытой стройки
Где рубероидом дыша
Под солнцем майским плавилась душа
Я жизнь сдавал на тройки

Здесь был концерт, здесь пахло коноплей
И пел про молодость и силу
Наивный мальчик
Пел как Цой

И поднимались из могилы
Кобейн и Леннон Джон

Закон судьбы, закон суровый
Всё разметал, отдельные листы

Здесь только тени, улицы родные
Я маленький и ты

* * *

Роба, ватник, телогрейка и фуфайка
Знать не знаю вас, различие и назначенье
Муравей-теплонос норинский, во времени и пространстве изгнанник
Вас не баловал словом, но под вашими тряпицами грелся

Почему мы не можем быть современники этого века,
Бумажной папочкой с ляжками из шнурков, шнуровавших сердца библиотек
Или, в нашем случае, пластиковым боксом с дыркой круглой,
Алюминиевым кольцом запечатанной как поцелуем девичий ротик

Всё нам надо в дебри какого-то леса из Данте, а то покруче:
Где тот Тайгет? – ни в одном словаре не сыщешь
А всё туда лезешь, продолговатым кузнечиком в небеса минувшего
Полочку-труповоз на белом песочке страницы крестиком вышьешь

И будешь плескаться в море шумном с ветрилом далёким
Что мается, горизонт опрокинув в себя как рюмочку перед обедом
Ах, сердечко, тревожное, чуткое к полноте и знакомое с основами геометрии,
Не осилишь потока зловонного буквиц, что у Иванова протекал по средам

Ада не существует, есть только Лимб, перегруженный плотик
Паромщик шумит, матерится, кого-то тошнит от качки
Сын плотника встретит тебя или его любимчик, кудлатый Пётр –
Всё одно, лишь бы не куксилась воровская луна, соперница и морячка

* * *

Мне жизнь испортила любовь
К невзрослой доброй девочке, стеснявшейся себя
Меня мужчины загубили
В беспамятстве кружились надо мной и в сердце мне плевали уходя

И стал я мнительным, и раздражаюсь по пустому
Простой мне опостылел мир
Я в дебри вдохновения макаю тело молодое
Как в огонь сражения бросает остов камуфляжный бравый командир

Мне всё тоска и одинокий пост
Я рос в отечестве без отчеств, в миле от границы городской
Когда ровесники тряслись на дискотеках
Мне всех милей был мёртвый и прекрасный Цой

Я возвращать пытался день за днём, отматывая годы по рулетке
Но не вступить в то пиво, что текло рекой
Под косячок в парадняке прохладном или во дворе, на сломанной скамейке

Я сквозь стекло, что дворников не знало
Смотрю на мальчика в футболке с рожей рок-звезды
Пизды не получал как надо, а то бы мачо стал

Я жизнь проспал, остались только чувства
Как хмель, в аортах киснущий, когда уже всех проводил гостей
Далёкий враг мещанской неги, ты встаёшь у изголовья
С кровавыми подглазьями, свидетелями истинных страстей

* * *

За этот грех ответим пополам!

Мой инок, инакий от века
Где искать тебя, взбалмошного человека
Твой чёлн торопится по воле волн
Туда, где луна в серебристой чалме
Зажгла мой сон

Зайду в закуточек, где прятался в детстве
Там нет тебя, вестник скорби
Карбованцев гнёт неуместен
Соком рабым я здесь истекал
Между двух кресал

Одна шальная бретелька запуталась в лунном луче
Я здесь был один, одинаковый, совсем ничей
Перетянутый жгут в лунку, в кратер багровый тек
Я не знал, девочка я или мужской человек

Где пухли соски от расспросов мамы
Ты, коварный, уже тогда бередил мои раны
В сомненьях бесчувственных на тебя глаза
Я стоял как вкопанный перед зеркалом,
Млея от кайфа и всех белее

Зачем в тот садочек проник,
Беспощадный старик
Тебя я не звал, не предчувствовал
Ладно, всё в норме
Я себя любовником чувствовал

Того образа колкого, что и теперь мне не даст заснуть
В глубине платяного шкафа, в котором суть

* * *

Ты ведь тоже лучшее дарил на что способен
В тот час, что как и ты – бесподобен

Твой карандаш не набух,
Грифель в нём не сломался
Что знали другие
Когда ты с ними ебался?
Трогали позвонки, мяли кожу
Щипали под правой лопаткой
Царапали милую рожу

Всё-всё прощаю,
Мой одинокий, немелый
Мой прутик, готовый к труду
Слепленный из омелы
В тебе течёт скандинавская смерть
И поцелуем круглятся губы
Этого не стереть

Ты заманил меня
В неподобающую ловушку
Я был безделкой
Строптивой игрушкой
Лампочкой в полнакала
Тебе было мало

Сдвинь бровь неглубокую,
Перечитай Платона
Только не отходи
От немислимого затона
Что в ряске тягучей погряз
Останься, мой водолаз

* * *

Ты ляжешь, горизонт тебе мал – за края
Свесишь голову, пятки и крылья рук
Пятерня твоя – мельницы ветхой
Перепонки, делающие в небе тифозном круг

Отчего это может случиться?
Просто иссохнешь, уйдёшь в песок как Амударья
Или от болезни тяжёлой голову свесишь, хромя
Ступишь в ту воду, где кончается всякое идеал-Я

Хочу ли я этого, сон да сон, лишь тикают ходики
Чем заслужил эту стужу, снежный покров бескрайний?
Да нет, просто так, ведь кончается всё в этой долине скромной
И всё непрочно, особенно под пулями – расслабься, солдат мой раненый

Но я хочу тебя видеть, чувствовать холод лба
О тебя споткнуться в кирхе тёмной, под низкими сводами
Пусть это будет неверно, грешно, и прольётся сама
Из глаз Ниагара, задóхнется сердце перистыми удодами

* * *

О чём М. Кузмин говорил, когда ты лежал на апрельской кушетке?
О чём ты грезил, прижавшись к срамному стеклу в середине северной ветки?
Не знаю, что скрыто под веками этих годов
Но точно скажу: я, пионер, к этому не готов

Ты был мне отцом, лампочкой сберегательной, тучу пронзающим боингом
Движенье и свет кипятили мне кровь
Я был Рембо молодым, гашишистом и алкоголиком
Мой дурман был из букв, высыпавшихся из твоего тела
И ледяное слово с языка соскользнуть хотело

Зачем я этого не сказал
Марса хрень или как ты писал
Не помню, всё скрылось в больной глубине
Да, дорогой, такой соблазн не по мне

Не вынес надлома, не лёг под крыло
Всё, что было тобой, вместе с тобой слегло

* * *

Хочу сберечь в катушке разума
Глоток надежды, в тыщу вольт чтоб лопнула мечта
Над чешуёй кремля в рождественскую ночь
Одной звезды твердя созвучье
Я говорю: ты там, ты лучше

Над миром свой покров распространяя
И щёки поцелуи жгут
Не тая
Снежинки к пальцам льнут

Зачем чужая, не моя
Как в детской потасовке
Как обида
Как мамина улыбка, данная другому
Ты всё дала и попросила не терять
Из вида
Да, я был неодинок
Обнять тебя
И омут так глубок
И нитка медная разматывает муть
Того мгновения, в которое уснуть
Забыл

Здесь снег на тыщу вёрст
Холодная зима
Рождественских подарков вереницы
Как спицы той кареты, что была
Когда-то тыквочкой
«Давай её сюда!» –
Кричали дети
Ниточки огня
Сознания частицы
Рассыпались в слова
И сети
Своими дырочками дышат
И мальчик звёздочку не слышит

* * *

Я молился богам, всем богам без имён
Всем созданиям чистым, всем камешкам, льдинкам, соринкам
Летним, зимним и ветхим осенним богам
Дайте Хазиной Нади мне тень
И шипело имя одно, лишь одно как яйцо на тефлоне
Метафизик, старик, Мандельштам

И чудо случилось — оно словно кем-то готовилось, ждать
Заставляя меня, чтоб не выплеснуть сути, не проглядеть, не состариться всеу
Всё отдать и взамен этот ключик ментоловый в тайный его кабинет
Да, прокрасться и пулю из Времени черепа вынуть

Всё обратимо, все раны покроются корками, схлынут, уйдут
И Она, наклонившись, мне на ухо сладко прошепчет: я тут!

* * *

Хотел тебя согреть, но ты сказала: подожди
Хотел сказать, как не хватает, как один сгораю
Так много теплоты, так холодно вокруг
И каждый твой укор, и каждый мякиш губ
Меня от рая отдаляет

Я не хочу тех сырых благ, что мудрость мне сулит
Она юлит, я полагаю
Тебя хочу, в молчании крошечном аонид
Чтоб ни гу-гу с небес, чтоб гул из-под земли
Не доходил

До пальчиков, до маленькой груди,
Что я в ладонях скрыл

Ты всё отвергнешь, всё раздашь на пустяки
Не дорожишь ты тем, что я из камешков собрал прибрежных
Моих ли слов не знать, моих ли губ не пить
И меньше веса плод, и меньше хлеба нежность

То, что рождается так просто
Я сохранить боюсь, боюсь булавкой уколиться
И пить из ранки кровь — вот всё, чему предрешено
Мне не впервой, я буду жить
И за тебя бороться

* * *

Париж, Париж — здесь буква *ж* сквозит родным каким-то сквозняком
Как мамин почерк путь к нему заказан
Как будто детство здесь прошло, в поганой подворотне
Ещё Рэмбо блевота не просохла, и сифилитик взбалмошный, Верлен
С сократовским ебалом не склонился
Ещё над этим телом молодым
А я уже дышать готов угарным газом
Автомобилей и рыгать от горького абсента
Его мне вкус мерещится. Зачем?

Я здесь не буду. Языка сопротивление
И вообще простор
Моря и зелень, русская верста, не вписанная в общий эталон
Но он стоит на тех же площадях, на тех же скверах, тех же катакомбах
Париж, Париж, люблю тебя как сон

ВОСЕМЬ

Хочу сберечь остаток, выделяемый мышцей
Сердечной. Жилок сеть так тонко рвётся
Здесь не бывает хорошо, здесь холодно или свежо
И недостаток чувствуется солнца

Хочу туда, за край воспоминаний
В страну утех, где нет того добра,
Что на ресницах золочёных тает
Не зная серебра

Там всё, там мировой сквозняк,
Пронзающий без боли тело
Там связь не прервана, короткий шаг
Там совершается несмело

Не отпускает город с поднятым воротником
И ком зари, не чувствуешь которого
Тяжёлым гнётом за окном
Всё покрывает, превращая в олово

Здесь строй, из тяжести рождённый
Мутировал в бутик, разлом и щебет сосен
На мачты пущенных, на слом
И пляшут бесы вьюги, порох белый,
И имя этим теням — восемь...

* * *

Дыре молящимся, неужто лучше, князь

О лучше, о добре –
В полуночный час
Из глаз что-то сыпется –
Это ли жемчуг?

Ты только не дай им вернуться назад,
В постели сырые, в гнилые предплечья
Там норы, там дыры, там гати и Дон,
Там Магдалина промочит подол

Бебрян подол, да лисью шубу сшить
Мочите арабов в сортирах, мочите
На боярского царя Володимира подрочите

О лучше не видеть
О лучше не знать
О выжми мне яблоки глаз –
и в кровать

На общу постелю,
Где трахаться вволю
Даровано люду простому народу
И вору и шапка и бармы при мне
Анальный и лесби в гандоне минет

За праздничный стол
В лебедях и меду
Ты будешь мне чёрная блядь
Какаду

БАЛЛАДА О ПРОКЛЯТЫХ ПОЭТАХ

В Шарлевиле жил Рембо
Вьюнош гениальный
Он писал стихи как бог
Был весьма талантлив

Написал письмо он как-то
Мэтру г. Верлену
Тот ему ответил тут же:
Приезжай скорее

Но затея эта, братцы
Кончилась плачевно
Содомитом оказался
Маленький злодей

А Матильда не стерпела
Этакого свинства
И пришлось Рембо с Верленом
В Англии укрыться

Но не долго длилось счастье
Проклятых поэтов
В Бельгию сбежал Верлен
Не оставив денег

Злой Рембо приплыл к нему
И сказал, что тот козёл
г. Верлен стерпеть не мог
Выстрелил в Рембо в упор

Но убить не получилось
И Верлена заточили –
Долго он сидел в тюрьме
Плохо спал и мало ел

Вышел новым человеком
А Рембо как раз уехал
В Африку искать приют
Сердцу битому в капут

ЛЮБОВНОЕ

Седло к седлу в седле не увидеть.
По эксэксэлю бабу кормят спермой.
Не торопись меня обнять,
Я эту алчность не приемлю.

Будь осторожней с этой дивной плотью,
В ней всё – обман, в ней всё – угар.
Все эти черенки и взгляды исподлобья,
Ты пьян, Иван! Ты пьян, Иван!

Сожми свой огнестрельный член,
Взорви его петардой
И в потолок как ток аи плесни
Не покидай меня, желанный!

Не уходи! Не уходи!

* * *

Бери мой ствол губами
Бери нежней – я кончу
Ладонками-крылами
По ягодицам хлопай

Твои прикосновенья
Как лист сухой о воду
Остановись, мгновенье
Потрогай там, потрогай

Язык твой сладкий влажный
Как спелая улитка
Твой запах кислый пряный
Как волжская ловитва

Твой волос тонкий тонкий
Лобковый тонкий волос
Заполз ко мне под щёку
Заполз и мне щекотно

О влажная о нежная
Моя награда странная
За все мои издержки
За все больные раны

Люби меня сильнее
Владей моей особой
Соси меня вкуснее
И пробуй меня, пробуй

Я самый вкусный мальчик
Ты мой волшебный сон
Я спермой истекаю
Когда в тебя влюблён

ЗАМЕТКИ БИБИГОНА
тетрадный лист первый

Вокруг оглянись –
это жизнь, о которой мечтали
Читали ПРО ЭТО в каких-нибудь в домостях

Плебеев стада на московском на всяком вокзале
Ползут по подземке на выпас в восемнадцать утра

Всё им глянец журналов,
Всё им у дома трава

Эта роскошь желанная, девятнадцатовекая
Эта мещанская спесь, этот скромненький синий платок

Это ДОМ ДВА буржуазная, это братва переделкинская
Это гламур и пиздец, это когда хорошо в полный рост под откос

Эту-то шоблу тогда наблюдал Борис Леонидович
В ранней своей электричке куда-то обычно спеша
Он обожанье своё превозмочь блин не в силах был
Так и изъёрзался весь как пища так дыша

Ах брслндыч брслндыч! –
Что тут скажешь, хороший мой

Эх брслндыч брслндыч! –
Чё тут тереть блин пиздец

НА СМЕРТЬ NEVERMORE

Скучно на этом свете, господа

Чёрный чёрный чёрный снег
Человек в этом пейзаже скорее бег
Движение в чистом виде, глагол
Его в упор не видать из-за портьер тюль это он то есть мужского рода пиши из-за штор

Шторы мешанские – вся эта природа,
Все эти наркотики, цветы, свобода
Музыка, вводящая в транс, написанная под колёсами
Под которыми кажутся гениальными выделения из любого чужого и своего собственного носа

Который не сунешь в пизду культуры – мала
Губа не дура, пацан, ты попал
Пальцем в небо, в рыхлый живот мамыши
Анаши слишком много взяли на брата –
На хавчик пробило
Зато все наши

Свои родные такие хорошие блин писаки
Гусаки всякие разные – не доводи до драки
Не задирай подол у девчонки из соседнего класса
Когда-нибудь она даст тебе, не плюй раньше батьки да в самый раз драчун озорной блин гуляка

Смерть наступит в четыре утра, в вагоне метро, как случилось с Олежкой
Но вагоны метро так рано не ходят – значит будет иначе, смерть, то есть судьба тобой брезгует
Повторение невозможно, как сказал философ блин древнегреческий Гераклит
Не плюй в эту речку Лету блин Стикс болит там сейчас болит

Айболит шестьдесят шесть хороший фильм в обход так в обход
Ты нормальный такой герой, она возьмёт в рот возьмёт
Надежда последней околевает, ты знаешь это с первого класса
В твоей школе разве не было портрета Ленина-Энгельса-Маркса

Нет, был портрет девочки в форменном платье, сидящей за партой ровно
Тебя возбуждала её коленка, нарисованная художником-оформителем бесподобно
Такой блядь советский PLAYBOY – одно из последних слов,
Которое ты запомнил, там ещё интервью с Набоковым

Литература – та же смерть, лежит в соседнем яйце
Правое или левое, знает хозяин – тощий кощей
Вяч. Вс. Иванов может делать любые предположения
Истина недоступна человеческому воображению

Так забей болт на всю эту хрень
Расслабься, чувак –
Живём один раз
Пошли на хуй всю эту словесность,
Твой Б. Г. вообще пидарас
Врубим блин РЭМБО,

Он из лука собьёт вертолёт-другой
Зашьёт себе рваную руку стальной иглой
Перебьёт всех жёлтых, русских,
Злых нехороших врагов
Сделает дело доброе,
Как пионер блин ваше – был таков

Помнишь дуру-русичку, читали Шекспира в лицах
А может быть по ролям – как эта шняга у них называлась, от памяти не добиться
Чего же ты хочешь, сколько воды, козлёночком стать блин напиться
А в конце неназванная птица яйцами будет, по крайней мере должна плодиться

* * *

О чём он бредит: нравственность и гордость
Ебись оно конём
О чём он спорит сам с собой, о чём он просит?
Колеблет воздух и треножник

Лу Юй здесь правит бал давно,
Здесь делают зелёный чай
Здесь ровный огонь небытия –
Молчание

Лирический дневник и интервью для бога
Ты только сои много в мясо не клади
Фабричной совести размякли полуслёзы –
Они текут – смотри!

Мир – старый пидор из Висконти
Дари ему любовь, прекрасный выюнош
Он хочет очень хочет этой крови
Ему ты нужен

* * *

Плач по моему члену
Больному и распятому

То ли пидором стать, то ли съездить на Красное море
Спектр возможностей – это ли ваша свобода?
Это ли мама анархия, этим ли бредил Бердяев?
Это ли то, что чревато распадом, лимбом и адом?

Это ли маслом вниз бутерброд,
Как младенец – всё тащит в рот
Проверить, попробовать – разве не значит узнать?
Где границы фантазии? Выдумывать – значит красть

Любопытство – это падение или только соблазн?
Соблазн – необходимость или оружие дьявола?
Что ты ответишь отцу, когда он об этом спросит?
И сказала кроха: ещё наливай – не о чем спорить

От кубка, который до дна приготовил папаша
Красным бредит густая влага, товарищ
Анаши бы пяточку – всё веселей умирать
Ватага бойцов Света идёт на штурм твою мать

Буря и натиск – всё, что мы видим, всё, что ты знал
Ты не алкал другого, ты на хуй его послал
Ближним бывает только бой и шальная пуля
Шалава не может подругой, не может им быть Иуда

Душу свою пострадать за отца это путь его путь пророка
Если ты римский солдат – для тебя это плохо
В твоих руках молоток и гвозди, ты делишь его одежды
Небывшее бывшим не сделают боги – ты не останешься прежним

Теперь ты иной, ты с миром державным не связан
В это ушко не войдёт твой канат и всё повторится сначала

* * *

Припадочно заколотился джаз

Там, где кончаются слова –
Там жизнь и может быть театр
Там музыка и Виктор Цой
Там детство и отец с колючей бородой

Там игры в доктора, эрекция ребёнка
Обмен хорошим, тело – только плёнка
Под ним душа трепещет мотыльком
Раздвинь ладошки – будешь корольком

Ты певчий дрозд, художник
Здесь сука-рифма, течка у неё
Не спи, святой заложник
И голова, цикорий, мумиё

Все запахи из проданной квартиры
Все волоски соединить в шиньон
Твоя работа – быть кусочком глины
Для демиурга будущих времён

ПОСЛАНИЕ СОРОКИНУ

Фотобумага плохо горит
Это причина безделья
На вид лет двадцать, а внутри –
Покажет следствие

Не пить первача, не играть на гитаре
По брайлю драть в эти дырки небесные
Мы эту вечность не выбирали
Она нас имеет по партбилету

Что там, товарищ – гляди не гляди
Всё эта блядь впереди – луна
Ночь так нежна, а ты погоди
Стрелять – пока она нам нужна

В ногу с вечностью – левой – левой
Выиграл тот, кто кончил первый

* * *

Мрак побелел, бледнели лица

Мрак отступал – я писал для себя
Сны больше страшные ночью не снятся
Только дыхание рвётся как снасти
ветхие снасти – рвётся дыхание

Воздух как рыбы четыре кило –
Бьётся под сердцем моё ремесло

Если я стану дышать равномерно
Будет ли толк и снов белый хлеб
Будет ли россыпь отверженных букв
Будет ли пьяный кагор отравленья

Знамена мне знаменуют экстаз
Сны сноминуют и сыплются из глаз
О том, что было удовлетворение
Узнаёшь тогда, когда оно отступает

Апатия –
Греки мечтали про это
Отсутствие дыхания после смерти –
Единственное, что смущает меня и Лермонтова

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРИГОВ СОЗЕРЦАЕТ СВОЁ ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ВО ВРЕМЯ БРИТЬЯ

Я сбрею баки, моде вопреки
Что мода в сущности — фантазмов сочетанье
Хочу я видеть гладь щеки
К реальному протиснуться сквозь пены колыханье

«Мне скучно, бес», — сказал родоначальник
Фигура гуру, бронзовый болван
Но не в его руках сочувственный паяльник
Не от его глаголов я безмерно пьян

Поклоны бьют ему, не зная правды:
Его душа — троянский конь
Но не пустой внутри, а изначальный
Мерцает под облаткою огонь

Он жжёт его, гармонии не зная
И говорит его устами,
Красоты не вынимая

Военный мальчик, гордый как Ахилл
Свой Логос в глубине его сокрыл

АЛКИВИАД

Прогони флейтисток, слышишь, что может быть прекрасней
Той музыки, которая в словах
Давай разденемся и будем кожей прижиматься
Друг к другу, как птенцы, как дети, боящиеся смерти
Мне хорошо

Ты знаешь, друг, я чувствую себя живым
Лишь в миг свиданий радостных под солнцем золотым
За городской стеной, в тени деревьев
Лишь говорить, лишь этим звукам сладостным я верю
Рукав испачкал ты, смотри — да что там, разбавляй!

Я пьян хочу быть, весел, беззастенчив
Ты мой Зефир, моя волна
Кати меня, прощаюсь с одиночеством и думой скучной
В общении рождается любовь
Она чиста, как у ягнёнка кровь

КИНЖАЛ

Я вижу этот сон который раз
Она прекрасна — о! — она прекрасна!
Мы занимались петтингом тогда
Года, года, года, года...

Как будто их прошло уж тыщу
Катулл сосёт, таких он чисел не воображал
Ах, кожица, чуть солнцем тронутая
Ах, сосцы и мышцы, и впадина, и —
Мой горит кинжал

Как мальчик Лермонтов на боевом коне
В охапку с пленною черкешенкой бежал
Да, что-то рвётся, что-то топчется во мне
Они застали, да — накрыли!

При свете тусклом через занавеску
Сквозь сон, через года — возня
И крики — нет! не трогайте её!
Любовь, любовь, любовь...
И тыщу раз в тех детских снах
Повтор — ещё — повтор

Как мальчик Лермонтов я скроюсь
Меня не видно из-за гор!

* * *

Речь — это лучше, чем секс. Я нежнец
Только вдвоём это горе, которым полны
Волны, волны — как эхо существованье
От зари до зари, до трогательного прощанья

Не жду, не жду — заклинание больше, чем речь
Здесь формула смерти на левом плече как отметина века
Увы, не сберечь — как хочешь, а не сберечь
Ни буквы, ни крови, ни самого человека

Люблю — это слово заблудшее, словно студня кусок сковырнул
С блюда позднего, лунного, погребного
На чьих поминках мы спорим? И я, и я присягнул
Чему-то смутному в ватном сознании — не к лицу и ему обнова

Сердечко, метафора редкая, тела ты не покроешь
И воешь, воешь тем зверем, что путают с рыбой
Да, Коля путал — и ты, попутчица,
Не различишь, не вымолвишь, не погибнешь под этой глыбой

Словечко, слово, букв околесица льётся звонко
А может тихо, шепотком потравленным скользит, стена
Ты моя верная, грешная, ловкая, топкая лодка
На тебе ли плыть и не выплыть, не прикоснуться к раю?

* * *

И бантик клитора, чуть видный из-за губ —
Так надо бы закончить
Я груб — да, глуп — капризный мальчик
Не терпится ему, как будто бы шестнадцать всё ещё
Ещё-ещё-ещё
О этот циферблат, не знающий разрядки
Всё в беспорядке, удовольствие лишь напряжением богато

Но как коварен жест — ты мне дала
Кусочек кожи, плечико открыв
Нет, не красив — здесь гуще краски
Тускнеет глаз и мясо как в расплавленное масло
Кидается стремглав
Love-love-love

Патлатые битлы кричали
Когда-то в прошлом дне
На взмыленном причале
Откуда плыть не выплыть и до дна
Порожний кубок наполнялся светом
Луна была той девственной планетой
Которой след ещё зарёй не зальит —
Нахлынет что-то и оставит...

ЁЛОЧНЫЕ ВОЛКИ

На чудо-дереве с хвостами лисьими висят
И смотрят страшно в тусклое стекло
Горят их уши, рты и подбородки
И напряжение, как в замкнутой проводке
Болезнь рождает и рождает смерть
Коитус был ли не был, не проверить
Но рождество и цифра пять
Как бабочка, слетающая с пестика, страшна
Жутчее иродова беспокойства,
Детей сгубившего
Его интимные подробности и свойства

Как хорошо, что только барам
До Октября
Такая лажа снилась —
Скляночку беря
Из-под подушки, Лермонтова тень
Мелькнула в непрокрашенном углу
Мультипликационный суицид ей был наградой
Как кислотой прожѐг ей яд
Ту рану, что цвела
На месте поцелуя

Не надо было одеяло
Сдирать с неё
Теперь орать
Иль волком, погремушкой мутной —
Щекотки этой не боюсь —
Тревожить воздух

Кончится, всё кончится
Под утро

Петр Разумов, поэт и эссеист. Родился в 1979 году в Ленинграде. Учился в трёх институтах и одном техникуме. Автор поэтических книг «Диафильмы» (СПб., «Издательство Сергея Ходова», 2005), «Ловушка» (СПб., «Инапресс», 2008) и книги эссе «Мысли, полные ярости» (СПб., «Алетейя», 2010). Работал разнорабочим, продавцом новых и старых книг, делопроизводителем, специалистом по недвижимости, флористом, чайным мастером, арт-менеджером, помощником светооператора, поваром, психологом. Публиковался в журналах «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Дети Ра», «Акт», «НоМИ», «Новый мир», «Воздух», альманахе «Абзац» (Тверь), электронных журналах «Топос», «Флейта Евтерпы» (Бостон) и «Лаканалия». Также автор 15 «самиздатских» поэтических сборничков, один из которых («Заложник», весна 2006 года) удостоен премии «ПроPILEи».

Последователь Анакреонта, ученик Николая Кононова, Петр Разумов пишет наивные (инфантильные) эротические тексты, часто в развязной манере панка с пятнадцатилетним стажем. Но это не модный, как может показаться, трэш, а отчаянная рефлексия потерявшего пол немолодого мужчины, стремящегося обрести новую идентичность. С эротической темой связаны богоборческие мотивы и социальные инвективы, направленные в сторону Другого, который вносит дискомфорт и разлад во внутреннее, если это внутреннее возможно помыслить в отрыве от культуры, как традиции, связанной с репрессией, со всем, что репрезентирует Власть, лишая человека животного чувства гармонии с миром.

Особняком стоит цикл «Разговоры». Автор удаляется за кулисы, в смерть, как бы выразился Ролан Барт. И это единственный выход, поскольку любое другое решение — победа инерции, повторение пройденного, если не графомания, то по крайней мере графократия, ложный пафос, связанный с тем комплексом представлений о фигуре говорящего, который для краткости можно назвать «романтизмом». Разумов находит выход в опрощении. Это милое толстовское словечко так и просится на ум. Мирь без Власти, где волен каждый голос.